

С. С. Жданов^{1,2}✉

Рецепция межнациональных отношений в Сибири в травелоге «Из Пекина в Петербург» А. Рида

¹ Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий,

г. Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: fstud2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности рецепции межнациональных отношений в Сибири на материале травелога А. Рида «Из Пекина в Петербург». Отмечены влияние на автора идеи ориентализма и колониализма, его ярко выраженная пробританская (а также проанглосаксонская и прозападная) позиция. Соответственно, для текста характерны оценочность, иерархичность при восприятии национально-этнических элементов. На нарратив также влияет историко-политический контекст «большой игры» между Российской и Британской империями. Население Сибири маркировано преимущественно русскостью/славянскостью, к которой примешивается «азиатский элемент» (согласно автору, монгольский/бурятский и татарский). Акцентирован преимущественно мирный тип колонизации Сибири и частичной русификации местного населения, братский и семейный характер отношений русских к иным народам, что противопоставляется британскому военному подходу к колониям и тенденции к несмешиванию британцев с представителями иных национальностей. В качестве существенной части нарратива Рида выявлено разграничение автором сибиряков и жителей европейской России.

Ключевые слова: межнациональные отношения, национальная идентичность, Сибирь, Россия, Британия, Китай, Монголия, травелог А. Рида, лиминальность, фронтир

*S. S. Zhdanov*¹✉

Reception of inter-ethnic relations in Siberia in the travelogue “From Peking to Petersburg” by A. Reid

¹Gorno-Altai State University, Gorno-Altairsk, Russian Federation

²Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: fstud2008@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the reception of interethnic relations in Siberia based on the material of A. Reed's travelogue “From Beijing to Petersburg”. The influence of the idea of orientalism and colonialism on the author is noted, as well as his pronounced pro-British (as well as pro-Anglo-Saxon and pro-Western) position. Accordingly, the text is characterized by evaluativeness, hierarchical perception of national and ethnic elements. The narrative is also influenced by the historical and political context of the “great game” between the Russian and British empires. The population of Siberia is marked primarily by Russianness/Slavicness, to which an “Asian element” is mixed (according to the author, Mongolian/Buryat and Tatar). The predominantly peaceful type of Siberia colonization and partial Russification of the local population, the fraternal and family nature of Russians' relations with other peoples are emphasized, which is contrasted with the British military approach to colonies and the tendency to not mix the British with representatives of other nationalities. As a significant

part of Reed's narrative, the author's distinction between Siberians and residents of European Russia is revealed.

Keywords: interethnic relations, national identity, Siberia, Russia, Britain, China, Mongolia, travelogue by A Reid, liminality, frontier

Введение

Травелогги иностранных путешественников по Сибири являются источником ценной имагологической информации, позволяющей выявить сложную динамику Своего и Чужого в текстах, установить характеристики, на основании которых выстраивается отношение нарратора к описываемой реальности. Следует заметить, что сибирская образность в подобного рода произведениях не раз становилась предметом анализа в отечественной гуманитаристике [1–10]. В то же время слабо изученным в контексте указанной проблематики остается травелог А. Рида «Из Пекина в Петербург», отражающий дорожные впечатления автора, британского журналиста [11, р. 86], в ходе путешествия по территории двух империй – Китайской и Российской – в конце XIX века. Хотя отдельные элементы текста Рида проанализированы в статье А.А. Сенюхина [8], они не составляют основной фокус исследовательского внимания.

Таким образом, наше исследование отличается достаточно значительной научной новизной и призвано заполнить имеющуюся лакуну в изучении сибирского текста в его иностранном изводе. Целью статьи является анализ межнациональных отношений в Сибири, представленных в указанном травелоге.

Методы и материалы

В статье использованы сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный и семиотический методы. Материалом исследования служит травелог А. Рида «Из Пекина в Петербург», опубликованный в 1899 году.

Результаты и обсуждение

В предисловии к книге Рид высказывает свое намерение как путешественника, «интересующегося политическими перспективами в Азии» (“interested in the political outlook in Asia”) «проследовать старыми путями континентальной торговли и оценить новые возможности новой Транссибирской магистрали» (“to traverse the old routes of overland trade, and to judge of the uses and possibilities of the new Trans-Siberian Railway”) [12, р. V]. Таким образом, автором задается геополитический контекст, в котором разворачивается нарратив, в рамках которого Азия выступает точкой приложения сил различных империй. При этом Рид сосредоточен прежде всего на наблюдении за тремя акторами азиатского пространства – Россией, Британией и Китаем.

Собственно говоря, Китай в актуальном для нарратора темпоральном слое рассматривается не столько как субъект, как объект геополитике. Если изначально русско-китайские отношения, по Риду, строились на позиции России, что «Китай – более сильная держава» («the stronger power») [12, р. 279], то ко второй половине XIX века Китай начинает, в том числе в результате вмешательства Британии и Франции,

а затем и Японии, слабеет, и баланс смещается в пользу Российской империи, которая начинает распространять свое влияние на лиминальные территории района Амура. В качестве свидетельства слабости Китая приводится также строительство Транссибирской магистрали через Маньчжурию: «когда Китай согласился позволить Транссибирской магистрали пройти через Маньчжурию, он практически отдал Маньчжурию» (“when China agreed to allow the Trans-Siberian Railway to pass through Manchuria she practically gave away Manchuria”) [12, p. 172]. Китай также называется «беспомощной империей» (“helpless empire”), на границах которой проявляется «полная мощь Российской империи» (“the full strength of the Empire of Russia”), оказывающей «давление» (“pressing”) на соседа [12, p. 282]. В своих наблюдениях Рид выступает с точки зрения Запада, и прежде всего Британской империи, угрозу власти которой в мире автор видит в лице России, могущей поглотить ослабленный Китай: «если у России будет возможность поднять, обучить и дисциплинировать армии, которые будут собраны из 300 000 000 китайцев, она, скорее всего, не просто захватит Азию, но и сможет доминировать на Европейском континенте» (“if Russia has the opportunity to raise, drill, and discipline the armies to be gathered from among 300,000,000 Chinamen, she ought not merely to overrun Asia, but ought to be able to dominate the Continent of Europe”) [12, p. 283]. Как уже говорилось выше, Рид, занимающий строго пробританскую позицию, не столько сочувствует ослабленным китайцам, сколько желает ослабления России, чтобы последняя не мешала англосаксонским планам по освоению китайской территории: «Вопрос дня – это будущее Китая и то, будет ли эта страна реформирована англосаксами или присоединена славянской расой» (“The question of the day is the future of China, and whether that country is to be reformed by the Anglo-Saxon or incorporated by the Slavonic race”) [12, p. 258]. Кроме пробританской, позиция автора также может быть определена как проанглосаксонская. Рид выступает за союз наций, которые он обозначает в качестве представителей англосаксонского ядра (Британии и США) и которые должны ослабить влияние России в Азии: «две нации, в связи с которыми Россия должна в основном беспокоиться – Великобритания и Соединенные Штаты» (“the two nations with which Russia must chiefly concern herself – Great Britain and the United States”) [12, p. 263].

Наконец, в контексте «большой игры» Маньчжурия и Монголия рассматриваются автором как лиминальные территории – медиационное пространство между Россией и Китаем, тогда как Сибирь есть медиационное пространство между «старой», европейской Россией и Азией, что порождает, таким образом, ступенчатый переход от европейскости к азиатскости: «Сибирь должна быть заселена русскими. Для достижения этой цели потребуются пятьдесят лет <...> ее влияние распространится как на Маньчжурию, так и на Монголию, приближаясь к воротам Пекина» (“Siberia must be filled with Russian people. It would take fifty years to achieve that end, <...> her influence would spread through both Manchuria and Mongolia, approaching the gates of Peking”) [12, p. 263]; «новая империя, чье растущее величие угрожает вобрать в себя и китайцев, и монголов, если ничего не будет сделано с этим» (“the new empire whose growing greatness threatens to absorb both China man and Mongol, unless something be done”) [12, p. 257].

В этом плане позиция нарратора вбирает в себя концентрически разрастающиеся сферы британоцентризма, европоцентризма и западноцентризма как проявления чужести Восточному/азиатскому миру, куда автор относит и Россию («Россию следует воспринимать как самую значительную из азиатских держав» – “Russia must be taken as the most considerable of Asiatic powers” [12, p. 264]). Эксцентричность этой позиции артикулируется в ремарке о русских любезностях, где нарратор самомаркируется, конструируя видение себя глазами русских: «любезности, оказанные мне, были любезностями вежливых людей по отношению к незнакомцу, даже если в какой-то момент этот незнакомец мог оказаться врагом» (“the courtesies offered to me were the courtesies of a polite people to a stranger, even if at some time that stranger might be an enemy”) [12, p. 210–211], т.е. он выступает в роли незнакомца/чужака и вероятного врага.

Соответственно, национально-этнический (этнографический) элемент в нарративе представлен слабее политического, но связан с последним. В тексте происходит частичное наложение терминов, означающих государственные образования и этнические общности. Так, Рид использует термин “power” (держава, государство, но и власть, могущество) (“The son of Jenghis Khan, having completed the conquest of China, and having consolidated his power in Central Asia” [12, p. 85]; «the famous Kubla Khan consolidated the Mongol power in China, and extended it into Thibet» [12, p. 86]; “China and Russia are the only two powers of which they [Mongols – авт.] know, and they understand that the latter is a very strong and effective power” [12, p. 91]; “the conveyance of Russian troops through Chinese territory in the event of a war between Russia and a European Power would obviously be a breach of Chinese neutrality” [12, p. 172]; “Russia must be taken as the most considerable of Asiatic powers” [12, p. 264]; “China was the stronger power” [12, p. 279]; “Turning to the relations of China with other powers, and dealing with the present state of these relations only, we find that the only non-English speaking powers materially concerned are Japan, France, and Germany” [12, p. 280]; “it may be better for Japan to remain an insular power” [12, p. 281] etc.). Также используется слово “empire”(империя): “the Chinese Empire” [12, p. 2]; “this great empire” [12, p. 45]; “the Mongol Empire” [12, p. 85]; “the Russian Empire”, “our empire” (of Britons) [12, p. 163]; “the oldest empire of the world” [12, p. 256–257]; “the new empire”, “a great and growing empire” [12, p. 257]; “the British Empire” [12, p. 265] etc. Как видно из примеров, маркер национальности – эксплицитно или имплицитно – соотносится в тексте с обозначением государств.

Что касается обозначений национальной идентичности, то здесь автор прибегает к слову “race” (раса, но и народ), чьи значения бывает порой трудно разграничить при переводе. Так, Рид упоминает “Chinese race” [12, p. VI, p. 46], “native races in India” [12, p. 54], “Asiatic races”, “non-European races”, “some Indian races”, “any Asiatic race” [12, p. 56]; “quiet race of harmless and unarmed shepherds” (Mongols) [12, p. 87]; “Mongol race” [12, p. 109]; “partly civilized races” [12, p. 110]; “Anglo-Saxon race” [12, p. 163]; “English-speaking races” [12, p. 266]; “half-Mongol, half-Tartar races”, “native races” [12, p. 270]; “various races of southern Central Asia” [12, p. 271]; “Japanese race” [12, p. 281]. Вероятно, для этих случаев ближе «народ/народы» как варианты перевода. В ином месте автор выражается несколько двусмысленно, так

что непонятно, различает ли он китайцев и монголов, а также русских и славян или в данном контексте смешивает эти понятия: «мое взаимодействие было с китайцами и русскими, с монголами и славянами – двумя народами (?), которые, взятые вместе, вероятно, будут представлять наибольший интерес для Британии на долгие годы вперед» (“my intercourse was with Chinese and Russians, with Mongols and Slavs, the two races that taken together are likely to be of most interest to Britain for many years to come”) [12, p. 110], т.е. “race” у Рида может применяться к обозначения более общего уровня, чем народ/этнос, что видно также из словосочетания “Anglo-Saxon race”. В другом же месте “race” вводится в форме множественного числа, подразумевая, что англосаксы не единый народ, а несколько народов: “Anglo-Saxon races” [12, p. 264]. Однозначно, однако, что слова «русский» и «славянин» Рид использует как синонимы: “that country [China – авт.] is to be reformed by the Anglo-Saxon or incorporated by the Slavonic race” [12, p. 258]; “The Slavonic race is in a position absolutely the reverse of that” [12, p. 264]. Знак равенства между русскими и славянами в контексте травелога означает, что автор игнорирует наличие других/разных славян. Кроме того, автор прибегает к словам “people”, “nationality” и “nation” в значениях «народ/нация»: “Chinese people” [12, p. 43]; “people of China” [12, p. 46]; “British people”, “other nations” [12, p. 49]; “people of Mongolia” [12, p. 85]; “Mongol people” [12, p. 108]; “Russian nationality” [12, p. 118]; “two nations” [12, p. 127]; “many nationalities” [12, p. 201]; “armed nations” [12, p. 257]; “The saving point in Russia is that the nation is a homogeneous and a loyal nation” [12, p. 274]; “some nation other than China” [12, p. 282]; “France and Germany – nations” [12, p. 283]; “men of all nationalities” [12, p. 285]; “European nations” [12, p. 287]; “Anglo-Saxon nations”, “English-speaking nations” [12, p. 283]; “the Mongolian and the Slavonic peoples” [12, p. 293].

Гораздо реже Рид прибегает к обозначению культурной общности, используя слово “civilization” (цивилизация, но и культура, а также уровень жизни, образованности) и производные от него, которые, однако, также может сочетаться с маркерами национальности: “British civilization [12, p. 50]; “These Buriats <...> are <...> more civilized than the Mongols proper” [12, p. 91]; “The civilization of Britain is too old” [12, p. 225]; “In St. Petersburg you have the great mechanical modern city, designed <...> as <...> the gate at which the civilization of Europe might enter” [12, p. 255]; “Anglo-Saxon civilization” [12, p. 293]. При анализе данного словоупотребления виден западнцентризм Рида, поскольку образцом цивилизации признается прежде всего западный мир, в который автор включает, по крайней мере, по некоторым показателям и Россию, репрезентация которой в травелоге имеет, однако, и черты Востока. Поэтому автор, исходя из своей оценочной позиции, где британскость образует эталон сравнения, вынужден оправдывать перед читателем недостатки цивилизованности описываемого пространства: «люди бродили из одного класса вагонов в другой таким образом, который был бы недопустим ни в одной стране Западной Европы» (“people loafed about from one class of carriage to another in a way that would not be tolerated in any country of Western Europe” (скорее положительная оценка демократичности пространства Транссибирской магистрали); «вы не должны применять ко всему русскому те же стандарты, которые вы применили бы ко всему английскому. <...> обычаи страны санкционируют определенные дей-

ствия, которые, с точки зрения нашей нынешней общественной морали, мы бы назвали незаконными (“You must not... apply to all things Russian the same standard that you would apply to all things English. <...> the customs of the country have sanctioned certain pickings that from our present standard of public morals we would call misappropriations”) [12, p. 219] (ироническая оценка).

Соответственно, повествование приобретает черты ориентализма, что важно учитывать при анализе собственно «сибирского» фрагмента текста «Из Пекина в Петербург». Так, попадание в Кяхту, маркируется как резкий переход в пространство европейскости из восточного топоса монгольской степи, при этом это также лиминальный пункт попадания из Монголии в Сибирь: «Перемена была поразительной <...> мы перенеслись прямо из монгольской жизни <...> в город с тщательно проложенными дорогами, чистыми побеленными домами, европейскими магазинами и лавчонками, улицами, площадями, общественными садами, школами и играющими школьниками» (“The change was startling, <...> we rode direct from Mongolian life <...> into a city of carefully made roads, of clean whitewashed houses, of European shops and stores, of streets, and squares, and public gardens, and schools, and school- children at play” [12, p. 121]. В то же время Кяхта как сибирский топос характеризуется смешением национальных элементов, состоя, по замечанию нарратора, из трех частей: собственно русского города с официальной администрацией; во-вторых, из китайского города, отделенного от русского пространства невидимой линией, поскольку граница с Монголией здесь не демаркирована, неосвязаема, хотя и обозначена китайскостью поселения (“an imaginary frontier-line there is a Chinese town(Mei-Mechan), in Mongol territory” [12, p. 123–124]); в-третьих, из смешанного в национальном отношении городка, где живут русские, но также китайцы, монголы и «смешанные расы в значительном количестве» (“mixed races in considerable numbers”) [12, p. 124]. Далее Рид отмечает, что в Чайна-тауне китайские торговцы говорили на ломаном русском (“a kind of pidgin Russian”) [12, p. 128–129]. С другой стороны, русские коммерсанты хотя не говорили на английском, некоторые их жены, а также все их дети знали этот язык [12, p. 129], некоторые учились в Европе и Америке, что усиливает космополитичный мотив в репрезентации Кяхты. «В деревенских лавках» сибирского фронта «успешный китаец конкурировал за товар с русским евреем» (“in the village stores the useful Chinaman competed for custom with the Russian Jew”) [12, p. 134].

При этом следует отметить, что основной фокус внимания нарратора сосредоточен на русских, проживающих в Сибири. Остальные этносы упоминаются им мимоходом, что выводится на эксплицитный уровень самим автором как избирательность внимания западного путешественника, ориентированного на Свое, т.е. проявление западноцентризма: «когда путешествуешь исключительно по азиатской стране <...> интерес европейского путешественника <...> вскоре становится несколько ограниченным. Обычный европеец... не вполне контактирует с азиатами, и если во время своего путешествия он не может часто общаться с европейцами также, как с азиатами, он... устает от азиатских типов и перестает наблюдать» (“when travels exclusively in an Asiatic country <...>, the interest for the European traveller <...> soon becomes somewhat limited. The ordinary European... is not quite in

touch with the Asiatic, and unless on his journey he can mix frequently with Europeans as well as with Asiatics, he probably becomes wearied of Asiatic types; and he ceases to observe» [12, p. 200]. На сибирском отрезке путешествия и далее Рид имеет дело, как подчеркнуто, с «европейским обществом» «славянского», т.е. русского в его системе обозначений, «типа» (“European society” “of the Slavonic type”) [12, p. 200].

Лиминальность России еще более усиливается в репрезентации сибирского пространства как фронтального топоса. Поэтому неудивительна контаминация сибирскости и канадскости или американскости, что характерно для британского автора, рассматривающего заморские территории королевства как несколько нечто отличное от английскости, с одной стороны, а с другой, как недотягивающее до стандартов цивилизации: «в Кяхте, Иркутске, Томске и других местах представители торгового класса <...> любят Сибирь как свой дом, точно так же, как канадцы любят Канаду, испытывая к далекому императору примерно такое же чувство преданности, какое канадцы испытывают к далекой королеве» (“at Kiakhta, Irkutsk, Tomsk, and elsewhere, the mercantile class is <...> loving Siberia as a home, just as the Canadian loves Canada, with much the same feeling of loyalty to a distant Emperor that the Canadian has to the distant Queen” [12, p. 147]; «Характерными чертами всех этих городов являются предприимчивость и прогресс, которые в некотором смысле отличаются от тех качеств, которые вы находите в европейской части России, и в некоторой степени аналогичны тем качествам, которые вы находите в американских и канадских городах» (“The characteristics of all these towns are enterprise and progress, in a sense distinct from those qualities as you find them in European Russia, and with somewhat of an analogy to the qualities that you find in American and Canadian towns” [12, p. 221]; «Я не могу провести параллель между этими сибирскими городками и какими-либо другими городами в Британии. <...> Можно провести параллель с некоторыми городами Америки» (“I am not able to draw a parallel between those Siberian towns and any towns in Britain. <...> The true parallel is with some towns in America”) [12, p. 225]. При этом Рид хотя и не рассматривает сибиряка как субэтнос, отмечает региональные отличия жителей Сибири от населения прочей России: «Сибирь населена выносливым и трудолюбивым русским крестьянством, более активным и прогрессивным, <...>, чем крестьянство собственно России. <...> они более прогрессивны во многом по той же причине, по которой мы находим прогрессивный дух сильным у тех англичан, которые эмигрировали в Соединенные Штаты, Канаду, Австралию и другие страны» (“Siberia is peopled by a hardy and laborious Russian peasantry, more active and progressive <...> than the peasantry of Russia proper. <...> we find the progressive spirit strong in those Englishmen who have emigrated to the United States, to Canada, to Australia, and elsewhere. Generally speaking, among the labouring classes, the man who emigrates is more active and alert than the man who stays at home» [12, p. 147]. Далее, подчеркнута добровольность эмиграции русских в Сибирь как особенность сибирских переселенцев, которые не соответствуют западному стереотипу о грязных русских крестьянах: «Русские крестьяне, которые добровольно <...> пробирались с Юга России в Сибирь, не могли быть людьми, копошащимися в грязи» (“The Russian peasants who voluntarily <...> made their own way from Southern Russia to Siberia cannot have been stick-in-the- mud people») [12, p. 149]. По

сути, имплицитно сибиряк оценивается автором исходя из английского эталона *self-made-man*'а, что в этой логике приводит к закономерному выводу: «сибирский крестьянин - лучший человек и, вероятно, станет еще лучшим человеком, чем русский крестьянин» (“The Siberian peasant... is a better man, and is likely to become a still better man, than the Russian peasant”) [12, p. 149]; «сибирский крестьянин, родившийся в Сибири, не является крестьянином в том смысле, в каком это слово понимают на Юге России. Он землевладелец» (“the Siberian peasant, born in Siberia, is not a peasant as the word is understood in South Russia. He is a landowner”) [12, p. 150], т.е. исподволь все же проводится разграничение между «сибиряком» и «русским», хотя и не понятно, насколько оно глубоко. В то же время, с точки зрения Рида, сибиряки не дотягивают до британского идеала: «Если бы люди были американцами или британцами..., если бы они умели организовываться, изобретать и использовать все возможности, как это было сделано в Британии и Америке, было бы невозможно установить какие-либо границы численности населения, которую могла бы поддерживать Сибирь» (If the people were American or British..., if they were people to organize, to invent, and to take advantage of all conditions, as has been done in Britain and in America, it would be impossible to set any bounds to the population that Siberia might support”) [12, p. 163]. Таким образом, Рид выстраивает в рамках травелога свою градацию прогрессивности населения, понимая под прогрессивностью прежде всего экономическое развитие. Вершиной, недостижимой, заметим, для русских, являются англосаксы, за ними следуют сибиряки, а далее – русские из других частей России: «Я... не говорю, что эти сибирские города будут развиваться в том же темпе, что и американские города. Это невозможно, так как 50000000 славян в Сибири не будут иметь такой же экономической эффективности, что 50000000 англосаксов в Америке <...> Но <...> они создадут гораздо больше торговли, чем любые 50000000 жителей собственно России» (“I do not... say that those Siberian towns will progress at the same rate as the American towns. That is impossible, for 50,000,000 Slavonic people in Siberia will not have the same output as 50,000,000 Anglo-Saxons in America <...> But <...> they will create a great deal more trade than any 50,000,000 of Russia proper”) [12, p. 225–226].

Разумеется, Рид хотя и не контактирует с теми, кого он называет «местными азиатами» (“local Asiatics”) [12, p. 148] в Сибири, предпочитая европейцев-славян, все же касается вопроса межнациональных отношений, впрочем, без особых подробностей и в духе, который сейчас бы назвали расистским. Так, к «местному азиатскому элементу» (“local Asiatic element”) автор относит «монголов, бурят и других» (“the Mongols, the Buriats, and others”) [12, p. 148]; в другом месте определяет неславянское население Сибири как «полумонгольское, полутатарское» (“half-Mongol, half-Tartar races”) [12, p. 270]. При этом автор отмечает тенденцию к русификации данных этносов путем смешанных браков, где русские женятся на монголках и бурятках, но не наоборот («these... have been becoming Russianized, since a considerable number of Russian men have married Mongol and Buriat women, while practically no Russian women have married Mongol or Buriat men”) [12, p. 148]. При этом Рид смотрит на эти процессы через призму британского колониализма, указывая на различие русского подхода в Сибири и британского в Индии: «результатом

таких союзов не было – или не было исключительно так, как в Британской Индии, – образование, по общему признанию, низшей полукровной расы» (“The result of such unions has not been – or has not exclusively been as in British India, to produce an admittedly inferior half-caste race”), поскольку «славянин продемонстрировал большую способность к ассимиляции монгольской расы, чем британский колонист когда-либо проявлял к ассимиляции любой низшей расы, с которой он вступал в контакт» (“the Slav has shown a greater capacity for assimilating the Mongol race than the British colonist has ever shown for assimilating any inferior race with which he has been brought into contact”) [12, p. 148]. Более того, если британцы в колониях нацелены на насильственное взаимодействие с населением на территориях, не относящихся к метрополии, на войну («Нам, британцам, пришлось сражаться <...> за большую часть нашей империи» – “We who are Britons had to fight <...> for most of our empire”), то Россия «легко» «получила ... сибирскую территорию» (“easily Russia has gained... Siberian territory”) [12, p. 163]. С точки зрения британца, «это <...> немного досадно» (“It is <...> a little vexing”) [12, p. 163].

Отличие русского способа колонизации от британского, по Риду, заключается в способности принимать другие народности, частично сливаться с ними в духовной сфере, сохраняя при этом свою национальную идентичность: «в то время как русские эмигранты перенимали некоторые монгольские и бурятские обычаи в той мере, в какой они были полезны в местных условиях, они оставались полностью русскими не только по языку и чувствам, но и по своим домам и образу жизни» (“while Russian emigrants have adopted parts of the Mongol and Buriat customs so far as these were useful in the local conditions, they have remained thoroughly Russian, not only in language and in feeling, but in their houses and in their methods of living”) [12, p. 148]. Русские, как указывает автор, более настроены на уважение, симпатию и братские чувства по отношению к иным народам, чем британцы, что, помимо немногочисленности нерусского населения, обеспечили легкость русификации Сибири: «Русские ладят с татарами и монголами, а также с различными расами юга Центральной Азии <...> славяне... более близки к этим расам или испытывают к ним больше симпатии, чем мы. <...> мне кажется, что по всей России между всеми... больше семейных или братских чувств, чем в англоязычных сообществах. <...> братский или семейный настрой <...>, по-видимому, помогает русскому ассимилироваться с азиатским населением, с которым он встречается» (“The Russian gets on with the Tartar and the Mongol, and the various races of southern Central Asia, <...> the Slav is... more akin to, or more in sympathy with, these races than we are. <...> throughout all Russia there seems to me to be more of a family or a brotherly feeling between everybody... than exists in English-speaking communities. <...> a brotherly or familiar attitude of mind <...> seems to help the Russian to assimilate the Asiatic populations that he meets”) [12, p. 148]. Британцы, наоборот, настроены на разделение, на проведение четких границ между собой и населением колоний, которые имплицитно мыслятся ниже по положению по отношению к британцам: «Россия ассимилирует свои чисто азиатские народы так, как это не удастся Британии и как, возможно, последняя не желает делать» (“Russia is assimilating her purely Asiatic peoples in a manner that Britain does not succeed in doing, and possibly does not desire to do”) [12, p. 265]; «Co-

мневаюсь, что с такой задачей справились бы английские колонисты. Они бы быстрее заселили Сибирь, они развили бы его быстрее, но... они не англизировали бы туземцев так, как их русифицировали русские, и, конечно, англосаксонские поселенцы никоим образом не подверглись бы влиянию татарских рас, как русские поселенцы» (“I doubt whether in such a task English colonists would have succeeded. They would have filled up Siberia faster, they would have developed it more quickly, but... they would not have Anglicized the natives as the Russians have Russianized these, and certainly the Anglo-Saxon settler would not have been in any way influenced by the Tartar races as the Russian settlers have been”) [12, p. 270–271]. Однако Рид в своих наблюдениях остается британцем и подчеркивает, что не критикует британский межнациональный поход: “I do not make that as a criticism antagonistic to English methods of colonization” [12, p. 271].

Заключение

Таким образом, рецепция межнациональных отношений в Сибири в травелогe Рида осложнена целым рядом историко-культурных контекстов, включая ориенталистские и колониалистские установки автора с его ярко выраженной пробританской и прозападной позициями в условиях «большой игры» между Российской и Британской империями на Азиатском субконтиненте. Автор, которого заботит сохранение доминирования «англосаксонской расы» в мире и, в частности, в Азии, представляет «западный» взгляд на Сибирь и населяющие ее народы, высказываясь положительно о русском, или славянском (что для нарратора синонимы) элементе как близком, европейском, своем начале. В этом случае Рид комплиментарен по отношению к русским/сибирякам, хотя его позиция отличается двойственностью, поскольку он не перестает одновременно видеть в «славянах» соперников-противников для англосаксов.

Амбивалентность и релятивизм позиции автора обусловлен также тем, что он видит в России/Сибири смешение западного и восточного (азиатского) элементов. Это проявляется, во-первых, в том, что русским легче ассимилировать азиатские народы, поскольку с последними у русских есть чувство родства. В результате Рид подчеркивает преимущественно мирный характер колонизации Сибири и частичной русификации местного нерусского населения (в основном, по авторскому определению, монгольского/бурятского и татарского), что резко отличается от насильственного/военного подхода британцев в колониях, а также от нежелания англосаксов смешиваться с другими «расами» как духовно, в смысле перенимания обычаев, так и физически – в результате браков. В этом плане некоторые элементы текста можно трактовать как расистские, поскольку азиатские народы и особенно потомки смешанных браков британцев с аборигенами оцениваются в качестве нижестоящих по отношению к «чистым» британцам. Поскольку Рид высказывает данные взгляды не в рамках систематической теории, трудно судить, идет ли здесь речь об идеях расового превосходства европейцев над прочими народами либо о более «мягком» цивилизаторском варианте, берущем свое начало в установках эпохе Просвещения, где европейцы оцениваются выше, поскольку они дальше продвинулись по пути абстрактного прогресса, на который должны равняться все народы.

Как бы то ни было, очевидно, что полуазиатскость России (и в еще большей степени азиатскость Сибири), актуализирует, во-вторых, оценочную иерархию в рамках оппозиции «цивилизованный Запад – частично цивилизованные русские/сибиряки». Причем лучшими, т.е. наиболее прогрессивными, представителями Запада мыслятся англосаксы, представленные двумя нациями – британской и американской. Эта оппозиция, однако, осложнена в травелоге Рида путем трансформации ее в триаду «англосаксы – сибиряки – русские (из условно европейской части России)», характеризующейся той же оценочностью, где по критериям предприимчивости и независимости доминирует англосаксонский элемент, в то время как сибирский образует промежуточный вариант. Сибиряки эксплицитно не выделяются в субэтнос русских-«славян», но по факту подчеркивается их отличие от прочих русских и, соответственно, Сибири от «собственно России». Наконец, отметим проецирование на сибиряков образов, связанных с колониальной сферой Канады и Соединенных Штатов Америки.

Благодарности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-20397 «Межнациональные отношения в Сибири в рецепции европейских путешественников конца XIX – начала XX вв.»), <https://rscf.ru/project/25-28-20397/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов И. В. Шесть лет в Сибири (о травелоге Сигерта Патурссона «От Фарер до Сибири») // Уральский исторический вестник. 2020. – № 2 (67). – С. 142–145. – DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-142-144
2. Алексеев П. В. Горный Алтай как «внутренний восток России» в английских травелогах второй половины XIX – начала XX вв. // Журнал фронтирных исследований. – 2024. – Т. 9, № 4 (36). – С. 15–36. – DOI: 10.46539/jfs.v9i4.558
3. Ершов М. Ф. Социокультурные контакты иностранных путешественников на Тобольском Севере в XIX – начале XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, вып. 1. – С. 124–130. – DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-124-130
4. Ланца Д. Образы Сибири в культуре Европы // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2019. – № 1 (3). – С. 77–82.
5. Мароши В. В. Глазами художника: Горный Алтай в травелоге Т. У. Аткинсона // Культура и текст. – 2018. – № 4. – С. 181–198.
6. Мингати А. Путешествие по транссибирской магистрали: «сибирский текст» в итальянских травелогах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, – 2018. – № 5. – С. 82–91.
7. Прожорин Е. Л. Репрезентация Сибири XIX в. в травелоге Дж. Симпсона // XIV Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых: материалы Всероссийской научной конференции. – Вологда: Издательство ВГУ, 2020. – С. 186–191.
8. Сенюхин А. А. Образы Сибири в английских и американских травелогах рубежа XIX–XX вв. // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 6. – С. 107–115. – DOI: 10.7256/2454-0609.2020.6.34114
9. Тайманова Т. С. Сибирь Доминика Фернандеза: травелог и место памяти // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 1, № 4. – С. 82–88.
10. Alekseev P. V., Alekseeva A. A., Boone P. Remembering India: Southern Altai in Harold Swayne's travelogue // The World of Science, Culture and Education. – 2020. – № 3 (82). – С. 558–559.

– DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00654

11. Byrne S. Glimpsing the Great Gobi: British Agents and other travellers in Mongolia from 1715 to 1935. A log of seventy British travellers who left a written or visual account of their visit to Mongolia.

– Tokyo: Yubunsha, 2022. – 255 p.

12. Reid A. From Peking to Petersburg. – London: Edward Arnold, 1899. – 300 p.

© С. С. Жданов, 2025